

Российская академия наук
Институт экономики

Г.Д. Толорая, И.А. Коргун, В.О. Горбачева

САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ КНДР:
АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ И УРОКИ

Москва
Институт экономики РАН
2020

Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2020. – 46 с.

ISBN 978-5-9940-0668-9

После принятия Советом Безопасности ООН жесткого санкционного пакета в декабре 2017 г. санкции стали восприниматься как центральный элемент воздействия на КНДР и важнейшая тема для обсуждения в дипломатическом процессе. Зафиксированы многократные случаи нарушения санкций (нелегальные экспортно-импортные сделки, обход эмбарго, финансовые операции, ИТ- операции) – что практически сводит на нет эффект санкций как политического инструмента. Тем не менее они имеют серьезные гуманитарные последствия для страны, особенно для уязвимой части населения.

Механизм негативного влияния санкций включает лишение гражданского населения дохода, перекрытие доступа к товарам и услугам, ущерб для производства продовольствия и здравоохранения, углубление имущественного неравенства. Санкции также затрудняют оказание международной помощи КНДР. Все это заставляет руководство КНДР расценивать поддерживающих санкции международных акторов как врагов и скептически подходить к диалогу со своими противниками.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, КНДР, санкции, гуманитарные последствия, социально-экономическое положение КНДР.

Классификация JEL: F51, F53.

Toloraya Georgy D., Korgun Irina A., Gorbacheva Valeriya O. Sanctions against DPRK: consequences and lessons. Scientific report. – М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. – 46 p.

After the adoption by the UN Security Council of a tough sanctions package in December 2017, sanctions began to be perceived as a central element of political influence on the DPRK and as an important topic in the diplomatic process. Multiple cases of violation of sanctions have been recorded (illegal export-import transactions, embargo evasion, financial transactions, IT operations), which practically negates the effect of sanctions as a political tool. Nevertheless, they have serious humanitarian consequences for the country, especially for the vulnerable part of the population. The mechanism of the negative impact of sanctions includes deprivation of income, blocking access to goods, damage to food production and health care, and deepening inequality. Sanctions also make it difficult to provide assistance to DPRK. All this makes the DPRK leadership regard the actors, supporting the sanctions, as hostile and become skeptical of dialogue with their opponents.

Keywords: UN Security Council, DPRK, sanctions, humanitarian consequences, DPRK social and economic situation.

JEL Classification: F51, F53.

© Институт экономики РАН, 2020
© Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О., 2020
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Краткий обзор санкций в отношении КНДР.....	7
Глава 2. Экономика КНДР в условиях санкций.....	11
Глава 3. Эффективны ли санкции?.....	23
Глава 4. Негативные последствия санкций.....	30
Заключение.....	35
Литература.....	40

ВВЕДЕНИЕ

Работают ли санкции против Северной Кореи? Этот вопрос неразрывно связан с любыми дискуссиями о КНДР. Для России он актуален еще и потому, что в отношении Северной Кореи были введены и продолжают вводиться новые санкционные ограничения. Однако данная проблема затрагивает не только Россию и КНДР, она гораздо шире. Санкции превратились в основной инструмент политики «максимального давления» администрации США, особенно при Д. Трампе. Более того, политика постоянно расширяющихся и усложняющихся мер принуждения стала частью нарратива о том, что санкции — это лучший выбор в сравнении с военными действиями за рубежом, в частности, в Северной Корее. Подобный подход автоматически делает санкции элементом внутривнутриполитической борьбы в Америке. «Хотим мы войны с КНДР или нет» — довольно типичная риторика, которую можно услышать из уст ряда экспертов¹. Однако в своей основе подобная формулировка является «удобным» объяснением необходимости санкций, даже если они не приносят желаемого эффекта. Поэтому анализ ситуации с КНДР позволяет сделать некоторые обобщения относительно тенденций санкционной политики, продвигаемой США, с одной стороны, и воздействия конкретных мер — с другой.

---

1. В частности, данный подход озвучивался Джун Пак на дискуссии в Институте Брукингса, посвященной оценке использования экономических санкций и их значения для внешней политики США (Economic Sanctions..., 2020).

Результативность санкций имеет двойственную природу, состоящую из видимых, наблюдаемых эффектов, и скрытых, не всегда очевидных из-за доминирующей политической риторики. Как правило, на первый, видимый, план выходят экономические трудности, с которыми сталкивается КНДР в результате санкций. Заметим, что жесткий пакет международных санкций ООН, введенный в декабре 2017 г., направлен именно на то, чтобы предельно усложнить экономическую жизнь политического режима в Пхеньяне. В результате введенных мер Северная Корея лишилась возможности проводить внешнеторговые операции: экспортировать природные ресурсы, рабочую силу, импортировать необходимые потребительские товары, медикаменты и оборудование. Жизнь большей части населения заметно ухудшилась, наименее защищенные группы людей страдают от недоедания, болезней, вызываемых нехваткой витаминов и медикаментов, плохой санитарной обстановки и отсутствием доступа к здравоохранению, прочих бытовых проблем.

Приведенные аспекты влияния санкций оказываются в фокусе международного внимания и «тиражируются» СМИ для подтверждения их результативности. Но из-за вбрасываемой информации на второй план уходит решение ядерной проблемы КНДР, хотя именно это, согласно документам, является главной целью санкционного пакета мер ООН, принятого в декабре 2017 г. То есть вся конструкция санкционного механизма, наполненная мерами максимального экономического давления, создавалась не для того, чтобы усложнить жизнь миллионам северокорейских граждан, а для того, чтобы продвинуться в вопросе денуклеаризации Корейского полуострова и разработки оружия массового уничтожения (ОМУ). Если смотреть на санкции с этого угла зрения, то меняется вся картина «успеха». КНДР не только не остановила свою ядерную программу, но и добилась в ней определенного прогресса. Например, с момента введения санкций в 2017 г. она произвела еще несколько запусков ракет, что предполагает наличие у Северной Кореи более сложных разработок, которыми она не располагала ранее. Получается, что санкции создали такие психологические условия, в которых северокорейский режим использует все доступные средства для обеспечения своего выживания и добивается здесь определенных успехов, т.е. введенные жесткие ограничения

работают против той конечной цели, для достижения которой они вводились. В результате возникает большой разрыв между декларируемыми целями санкций и тем, что преподносится в качестве их «успешного» эффекта.

В этой связи возникает ряд вопросов. Почему в случае с КНДР санкции не позволяют добиться конечной цели? Каков реальный эффект санкций, если они не привели к разрешению ситуации согласно декларируемым целям? Какие уроки можно вынести из северокорейской ситуации применительно к действию санкционного механизма, используемого Западом? В данной работе на основе анализа имеющихся данных о социально-экономическом положении в КНДР после введения санкций ООН делается попытка найти возможные ответы на указанные вопросы.

В первой главе дается обзор санкций в отношении КНДР. Во второй – анализируется экономическая ситуация в КНДР в 2016–2019 гг., оценивается то, к каким экономическим последствиям привели меры «максимального давления», введенные в декабре 2017 г. В третьей – делается попытка с теоретической точки зрения осмыслить, почему в случае КНДР санкции не приводят к политической сделке, несмотря на их негативный экономический эффект. Четвертая глава посвящена анализу гуманитарных последствий санкций ООН, вопросу, которому уделяется внимания значительно меньше, чем, например, ядерной программе КНДР, но который важен для понимания механизма их действия. Наконец, в заключении подводятся итог дискуссии о влиянии санкций и делаются предположения о том, как может развиваться практика использования санкций как мер принуждения.

КРАТКИЙ ОБЗОР САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ КНДР

Политика санкций – как согласованных в международном формате через механизм ООН, так и односторонних, а также вторичных – в последние годы стала центральным элементом в инструментарии «максимального давления» Запада. Особенно явно эта тенденция стала проявляться с приходом в Белый дом Д. Трампа. Его администрация продолжает принимать новые пакеты санкционных мер, которые превосходят по объему и сложности все предыдущие. При этом США рассматривают санкции как единственно реальный инструмент разворота ситуации на Корейском полуострове в свою пользу.

Впервые международные санкции в отношении Пхеньяна были введены в 2006 г. резолюцией Совета Безопасности ООН (СБ ООН) 1718. Всего с 2006 по 2017 гг. было принято восемь резолюций, которые в прогрессирующем порядке ужесточали ограничения на торговые операции Северной Кореи (табл. 1). В 2016 г. и 2017 г. США провели так называемые секторальные санкции, которые предельно обострили экономическую ситуацию в КНДР, так как направлены на ключевые отрасли хозяйственного комплекса, обеспечивающие экспортные поступления. Центральная идея этих мер – напрямую повлиять на финансовое благополучие правящих кругов и элиты. Заметим, что данный подход в целом характеризует политику США последних лет в отношении тех стран, в которых действия правительства, по мнению американской

стороны, не соответствуют международным нормам. В качестве примера можно привести Иран, Венесуэлу и, конечно, Россию. Среди представителей политической элиты прочно закрепилось мнение относительно того, что экономические трудности вынудят санкционируемые страны идти на серьезные уступки и менять свои действия.

В условиях режима жестких санкций, введенных в 2017 г. Северная Корея практически была лишена возможностей для реализации экспортного потенциала, так как под запретом оказалось 90% номенклатуры вывоза и ввоза. Также после серии санкций в отношении финансовых операций стало гораздо труднее обслуживать внешнюю торговлю, были введены запреты на прием северокорейских рабочих и требование депортировать тех, которые трудились в странах – членах ООН.

Таблица 1. Хронология санкций против Северной Кореи в 2006–2017 гг.

Год	Резолюция	Содержание
2006 г., после первого успешного испытания северокорейского ядерного оружия	Резолюция СБ ООН 1718	Требование прекратить ядерные испытания и запрет на экспорт в Северную Корею ряда наименований военной техники, а также предметов роскоши. Для контроля за соблюдением санкционного режима была создан Комитет СБ ООН по санкциям в отношении КНДР
2009 г., после второго северокорейского ядерного испытания	Резолюция СБ ООН 1874	Расширено эмбарго на поставки оружия КНДР. Также государствам – членам ООН было рекомендовано досматривать все корабли, идущие в КНДР, и уничтожать любые грузы, которые могут иметь отношение к северокорейской ядерной программе
Январь 2013 г., после запуска спутника Кванмёнсон-3	Резолюция СБ ООН 2087	Усиление санкций, обоснование права государств – членов ООН досматривать любые суда, идущие в КНДР, и уничтожать любой груз на их борту, который может быть использован для военных разработок
Март 2013 г., после третьего испытания северокорейской атомной бомбы	Резолюция СБ ООН 2094	Санкции в отношении денежных переводов, поступающих в КНДР из международной финансовой системы
Март 2016 г., после четвертого северокорейского ядерного испытания	Резолюция СБ ООН 2270	Запрет на экспорт из КНДР в другие государства – члены ООН золота, ванадия, титана, редких и редкоземельных металлов. Также был запрещен экспорт северокорейских угля и железа в целях извлечения прибыли – за исключением случаев, когда их продажа иностранным государствам диктуется необходимостью поддержания средств КНДР к существованию

Год	Резолюция	Содержание
Ноябрь 2016 г.	Резолюция СБ ООН 2321	Ограничение на экспорт северокорейского угля, а также запрет на экспорт меди, никеля, цинка и серебра из КНДР
Февраль 2017 г.	Индивидуальные меры Китая	Китай объявил о прекращении импорта северокорейского угля до конца 2017 г.
Август 2017 г.	Резолюция СБ ООН 2371	Полный запрет на экспорт из КНДР угля, железа, свинца и морепродуктов. Резолюцией также были введены новые ограничения в отношении Банка внешней торговли КНДР, а также запрещено увеличение числа северокорейских гастарбайтеров, легально работающих в зарубежных странах
11 сентября 2017 г.	Резолюция СБ ООН 2375	Запрет на импорт в КНДР из государств – членов ООН нефти и нефтепродуктов, создание совместных предприятий с участием северокорейского капитала, а также экспорт северокорейского текстиля, газового конденсата и жидкостей в государства – члены ООН. Наконец, данная резолюция запретила северокорейским гражданам работать за рубежом.
21 сентября 2017 г.	Указ Д. Трампа	Разрешение отключить от финансовой системы США и/или блокировать активы любых компаний, предприятий, организаций и физических лиц, занимающихся торговлей товарами, услугами или технологиями с КНДР. Этим же указом всем самолетам и морским судам было запрещено заходить в морские и воздушные порты КНДР в течение минимум 180 дней со дня захода/прилета в США; в противном случае такое судно может быть не допущено на территорию США при новом прибытии. Эти ограничения распространяются и на морские суда, сопровождающие северокорейские корабли
22 декабря 2017 г.	Резолюция СБ ООН 2397	Более жесткие санкционные меры, включающие сокращение поставок нефти и продуктов нефтепереработки в КНДР на 90%, запрет на импорт в страну промышленного оборудования и транспортных судов, а также депортацию северокорейских рабочих из стран, принявших резолюцию в течение двух лет

Источник: (Санкции против КНДР, 2020).

Проблема санкций стала серьезным яблоком раздора между великими державами, вовлеченными в корейский конфликт, что наиболее наглядно проявляется в СБ ООН. В частности, разногласия вызывает отрицательное гуманитарное воздействие санкций, возникающее вследствие существенных противоречий между стра-

нами относительно механизмов их применения и институтов. Хотя сам вопрос необходимости соблюдения санкций таких противоречий, во всяком случае, открыто, не вызывал.

Россия и Китай постоянно выражают обеспокоенность тем, что санкции наносят ущерб гражданскому населению Северной Кореи, и не перестают выражать надежду на то, что ослабление некоторых ограничений поможет выйти из тупика в ядерных переговорах между Вашингтоном и Пхеньяном. Однако Соединенные Штаты, Франция и Великобритания резко против. 16 декабря 2019 г. Россия и Китай внесли проект Резолюции на рассмотрение СБ ООН (China, Russia..., 2019). В нем было предложено принять решение о смягчении санкций ООН, учитывая позитивное развитие ситуации после инициативных шагов КНДР по введению моратория на ядерные испытания и пуски МБР, а также других мер, направленных на ограничение своей ракетно-ядерной программы, позволивших запустить диалоговые процессы между Севером и Югом, КНДР и США. В частности, речь шла о приостановке действия положений прошлых санкционных резолюций о мерах, которые наиболее негативным образом влияют на гражданское население КНДР. Эти предложения касаются импорта определенных товаров, не имеющих военного назначения, а также товаров для инфраструктурного развития, в том числе в рамках межкорейских проектов сотрудничества. Также было предложено приостановить действие определенных экспортных ограничений для облегчения гуманитарной ситуации в соответствующих отраслях экономики.

Однако западные страны и ориентирующееся на них большинство в Совбезе ООН в категорической форме отвергли это предложение. Оно «не вписывается» в контекст политики изоляции КНДР и нанесения ей максимального экономического ущерба независимо от гуманитарных последствий.

Вопрос о модификации режима санкций, в частности, смягчения их гуманитарных последствий, пока не находит решения из-за позиции западных держав. Вместе с тем надо отметить, что Комитет по санкциям СБ ООН в 2019 г. значительно ускорил рассмотрение заявок на разрешение гуманитарных операций — в среднем в 2 раза, хотя значительное их число по-прежнему блокируется его постоянными членами.

ЭКОНОМИКА КНДР В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Общее экономическое положение КНДР до и после декабрьских санкций ООН 2017 г.

Контур северокаорейской экономики складывался на протяжении XX в. под воздействием разных факторов, которые условно можно объединить в две группы: географические² и историко-экономические. Географические факторы определяют производственную базу и ресурсную обеспеченность страны для развития тех или иных отраслей народного хозяйства.

В силу малых размеров государственной территории и природного ландшафта с преобладанием гор в Северной Корее мало земель, пригодных для сельского хозяйства. По данным Всемирного банка, в 2016 г. возделываемые земли в КНДР составляли около 19,5% всей территории страны (The World Bank, 2020). Этого недостаточно, чтобы аграрный сектор принимал активное участие в политике замещения импорта, или «опоры на собственные силы», как она называется в КНДР. Американский специалист по Северу С. Хаггард, рассуждая о возможных траекториях реформ в Северной Корее в будущем, не в условиях санкций, также обращает внимание на то, что климатические условия страны в целом не благоприятны для развития масштабного сельского хозяйства (Haggard, 2018).

Основу ресурсной базы КНДР составляют запасы угля, природных минералов — магния, цинка и редкоземельных металлов.

---

2. Влиянию географических факторов на экономическое развитие и необходимости их учета в вопросах экономического развития посвящен ряд работ П. Кругмана. См., например: (Krugman, 1991).

Северной Корее может принадлежать до $\frac{2}{3}$ мировых запасов последних. В 2015 г. ресурсное богатство страны оценивалось в 6 трлн долл. США (Choi, 2011). Это довольно внушительная сумма, особенно если принять во внимание, что весь оценочный ВВП Севера составлял в 2016 г. 23 млрд долл. США (Fifield, 2015). Ресурсный сектор в сочетании с низкой стоимостью рабочей силы на сегодняшний день является главным конкурентным преимуществом КНДР в международном разделении труда. Более того, северокорейские власти активно использовали и, по всей видимости, продолжают использовать ресурсы для получения доходов на внешних рынках.

По данным Банка Кореи (Bank of Korea, 2020), в 2017 г., т. е. до того, как начало сказываться действие санкций, в структуре экономики добывающая промышленность занимала 11,7% (табл. 2). На тяжелую промышленность приходилось 13,3%, а совокупная доля всех отраслей промышленности, включая добывающую и легкую, составляла 31,8%.

Таблица 2. Структура ВВП Северной Кореи в отдельные годы (%)

Отрасли	1990	1998	2006	2008	2010	2014	2015	2016	2017
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1. Сельское хозяйство	27,4	29,6	23,3	21,6	20,8	21,8	21,6	21,7	22,8
2. Промышленность:	40,8	25,6	29,6	34,6	36,3	34,4	32,7	33,2	31,8
добывающая	9,0	6,6	10,2	12,1	14,4	13,1	12,2	12,6	11,7
обрабатывающая:	31,8	19,0	19,5	22,5	21,9	21,3	20,4	20,6	20,1
легкая	6,2	6,4	6,7	6,7	6,6	6,9	7,0	6,9	6,8
тяжелая	25,6	12,6	12,8	15,8	15,3	14,4	13,4	13,7	13,3
3. Распределение электричества, газа, воды	5,1	4,2	4,5	3,4	3,9	4,3	4,5	5,2	5,0
4. Строительство	8,6	5,1	9,0	8,3	8,0	8,2	9,0	8,8	8,6
5. Услуги:	18,0	35,6	33,6	32,2	31,0	31,3	32,2	31,1	31,7
правительство	11,0	25,3	23,7	22,8	22,4	22,7	23,3	22,4	23,2
прочее	7,0	10,3	9,8	9,4	8,6	8,6	8,9	8,7	8,4

Источник: (Bank of Korea, 2020).

Для северокорейской промышленности характерно неоднородное развитие производственных сил: отрасли тяжелой и воен-

ной промышленности доминируют над производствами, ориентированными на внутренний потребительский спрос. Данная неоднородность вызвана тем, что отрасли формировались в разные временные периоды и в различных условиях. Так, тяжелая промышленность создавалась при поддержке СССР, соответственно она несет в себе технологический потенциал периода 1970–1980-х гг. В основной массе производственные фонды не обновлялись и были законсервированы. В то же время иностранные исследователи отмечают, что в начале 2000-х гг. точечно проводилась политика модернизации и обновления за счет импорта оборудования для угольных шахт и разработки минеральных месторождений (*Kihl, Kim, 2005. P. 129*). Соответственно, диспропорции между производительностью в различных отраслях экономики и оснащенностью фондами усугубились. В экономике возникли осовремененные «анклавы», существующие вне связи с основным производственным комплексом. Они не органично вырастали из потребностей экономики под влиянием факторов рационального использования ресурсов, а привносились извне. Наиболее отчетливо это проявляется в случае легкой промышленности.

Легкая промышленность стала развиваться в конце 1990-х – начале 2000-е гг. прежде всего в рамках проектов межкорейского сотрудничества в индустриальном комплексе Кесонг. Оборудование для данных проектов завозилось южнокорейской стороной, которая также обеспечивала обучение, компоненты, сырье и рынки сбыта для произведенной продукции (*Haggard, Melton, 2013*). Юг контролировал продажу товаров. При этом продукция, произведенная с участием южнокорейских компаний на территории КНДР, маркировалась как сделанная в Южной Корее. Право такой маркировки продвигалось Сеулом в рамках многочисленных соглашений о свободной торговле в части регулирования правил происхождения товаров³.

Подтверждением «анклавности» северокорейской промышленности являются результаты Массачусетского проекта. Массачусетский технологический институт публикует данные

---

3. Исследования о правилах происхождения товаров применительно к продукции, произведенной на территории комплекса Кесонг, см.: (*Lee, 2013*).

о структуре экономик стран мира и уровне развития внутренних связей между отраслями (MIT, 2019). В случае Северной Кореи такие связи единичны, что указывает на слабо развитые смежные производства и подтверждает зависимость от внешних источников технологий, капитала и ноу-хау.

Слаборазвитая транспортная инфраструктура также является причиной низких межпроизводственных связей (Eberstadt, 2006. P. 148). Инвестиции в транспортное оборудование оставались на очень низком уровне с середины 1990-х гг., это привело к ухудшению межрегиональных связей и ограничило физическую мобильность труда и товаров. По мнению Н. Эберштада, транспортная революция, происходившая в мире в 1990-е гг., обошла КНДР стороной (ibid. P. 149).

Введенные международные санкции, особенно секторальные, оказали как прямое, так и косвенное воздействие. Прежде всего они были нацелены на то, чтобы нарушить установившиеся связи северокорейской промышленности с внешними источниками сырья и капитала. В какой-то мере этого удалось достичь, поскольку санкции обострили негативные тенденции в важных отраслях экономики и создали неблагоприятные социальные и гуманитарные последствия для населения, имеющего отношение к затронутым областям. После введения жесткого режима санкций в декабре 2017 г. можно наблюдать процессы деградации в сельском хозяйстве, состояние которого неразрывно связано с выживанием миллионов людей в стране.

Точные размеры ущерба оценить весьма затруднительно в силу отсутствия достоверных данных о состоянии экономики КНДР. Доступным источником систематической информации о состоянии экономики Северной Кореи является Банк Кореи в Сеуле. По его оценкам, в 2017 г. и 2018 г. сокращение ВВП составило 3,5 и 4,1% соответственно (табл. 3). Спад в добывающей промышленности превысил 17%, в обрабатывающей — был на уровне 9,1% (Bank of Korea, 2020). В 2019 г. падение скорее всего продолжилось.

Таблица 3. Темпы прироста ВВП по отраслям экономики в 2012–2018 гг. (%)

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП	1,3	1,1	1,0	-1,1	3,9	-3,5	-4,1
Сельское хозяйство	3,9	1,9	1,2	-0,8	2,5	-1,3	-1,8
Промышленность:	1,3	1,5	1,1	-3,1	6,2	-8,5	-12,3
добывающая	0,8	2,1	1,6	-2,6	8,4	-11,0	-17,8
обрабатывающая:	1,6	1,1	0,8	-3,4	4,8	-6,9	-9,1
легкая	4,7	1,4	1,5	-0,8	1,1	0,1	-2,6
тяжелая и химическая	0,2	1,0	0,5	-4,6	6,7	-10,4	-12,4
Производство и распределение электричества, газа, воды	1,6	2,3	-2,8	-12,7	22,3	-2,9	5,7
Строительство	-1,6	-1,0	1,4	4,8	1,2	-4,4	-4,4
Услуги:	0,1	0,3	1,3	0,8	0,6	0,5	0,9
административные	-0,2	0,3	1,6	0,8	0,6	0,8	0,8
прочие	0,8	0,4	0,5	0,6	0,5	-0,3	1,2

Источник: (KOSIS Korean Statistical Information Service, 2020).

Таким образом, санкции явно начали сказываться на экономике. Особенно это заметно в производстве угля. Уголь является не только основой энергетического комплекса КНДР, но и до введения санкций обеспечивал до 30% экспортных поступлений страны. В числе ограничительных мер декабрьской резолюции ООН 2017 г. содержится запрет на экспорт КНДР данного вида топлива. По сравнению с 2016 г., когда был достигнут пик в его производстве, к 2018 г. выработка сократилась как минимум на 40% (рис. 1). Это говорит о том, что КНДР лишилась данной части экспортных поступлений. Весьма вероятно, что снижение производства угля также сказывается на стабильности выработки электроэнергии внутри страны для нужд населения и промышленности.

По свидетельствам представителей дипломатических миссий, возникают сложности в отраслях внутреннего спроса⁴. Ориентированные на внутренний рынок производства не могут функционировать должным образом из-за отсутствия доступа к внешним источникам сырья, материалов и запчастей.

4. Эти данные получены в результате личных коммуникаций авторов с представителями дипломатической миссий.

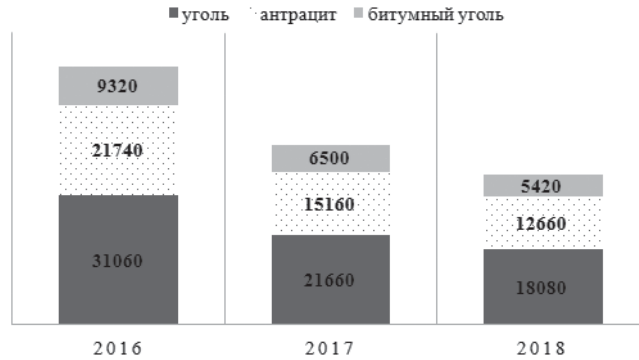

Рис. 1. Объем производства угля в 2016–2018 гг., тыс. т

Источник: (KOSIS Korean Statistical Information Service, 2020).

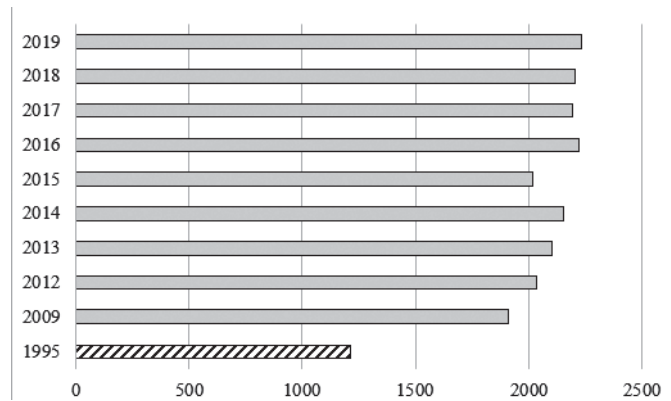

Рис. 2. Объем производства риса в КНДР (тыс. т)

Источник: (KOSIS Korean Statistical Information Service, 2020).

В результате падает уровень оплаты труда и растет безработица, создавая дополнительное давление на сложную социально-экономическую ситуацию.

Объем производства риса пока остается на прежнем уровне. В 2019 г. он даже несколько увеличился (см. рис. 2). Принимая во внимание, что данное производство на 80% превышает уровень 1995 г., можно предположить, что пока ситуация не достигла уровня продовольственного кризиса и массового голода, имевшего место в середине 1990-х гг. Американские организации оценивают, что в те годы количество смертей, вызванных голодом, варьировалось между 300 000–800 000 чел. в год (*Goodkind, West, 2001*). Тем

не менее ситуация остается напряженной, кризисные тенденции нарастают.

Ситуация осложняется плохими урожаями в 2019 г. (FAO/WFP, 2019). Это заставило руководство страны увеличить закупки продовольствия на внешних рынках. Так, в 2019 г. Северная Корея импортировала рекордное количество зерновых на сумму свыше 154 млн долл. США (табл. 4). Импорт риса в стоимостном отношении увеличился в 3 раза по сравнению с 2018 г. и почти в 7 раз по сравнению с 2015 г. Также выросли закупки кукурузы и ячменя.

Таблица 4. Стоимостные и физические объемы импорта зерновых культур КНДР в 2015–2019 гг.

Позиции (НС коды)	2015		2016		2017		2018		2019*
	тыс. долл.	т	тыс. долл.	т	тыс. долл.	т	тыс. долл.	т	тыс. долл.
Всего	24 015	47 601	28 948	52 575	65 304	169 031	90 860	239 074	154 083
Ячмень (1003)	0	0	0	0	0	0	1 003	1 979	1 221
Кукуруза (1005)	3 017	9 891	1 010	3 125	11 258	50 878	1 137	4 344	16 234
Рис (1006)	10 772	17 138	24 845	41 879	21 361	36 408	24 656	43 539	73 468
Зерновые (1007–1008)	78	120	0	0	0	0	нет свед.	нет свед.	нет свед.
Мука (1101)	5 645	14 437	2 536	6 958	32 623	81 654	63 047	187 802	62 490
Бобовые (1201)	4 503	6 015	557	614	62	91	1 016	1 409	670

* за 2019 г. отсутствуют данные о физических объемах импорта.

Источник: (KOSIS Korean Statistical Information Service, 2020).

Таким образом, санкции ведут к масштабных потерям в реальном секторе экономики. Наблюдаемое радикальное сокращение источников средств к существованию ставит под вопрос возможность выживания людей, занятых в ключевых отраслях экономики.

Внешняя торговля КНДР в условиях санкций

Несмотря на в целом закрытый характер северокорейского государства, связь с внешними рынками играла большую роль в экономике, обеспечивая приток иностранной валюты, которая шла на покрытие товарного дефицита и финансирование программ правительства, в том числе по созданию нового оружия. Точные

размеры экспортного сектора определить сложно, так как не все операции, в которых участвует Северная Корея, учитываются статистикой, многие из них протекают в теневом секторе.

Так, в 2017 г. внешнеторговый оборот КНДР (наблюдаемые, законные операции) составлял 5,6 млрд долл. США, из которых 1,8 млрд долл. приходилось на экспорт и 3,8 млрд долл. на импорт (рис. 3). В экспорте преобладали товары текстильной промышленности (код HS62), на которые пришлось 28% вывоза, минеральное топливо и руда, которые в совокупности обеспечили 34% экспортных поставок, и рыба и морепродукты, в частности моллюски – почти 10% вывоза (табл. 5). То есть данные четыре позиции давали более 70% экспортных доходов.

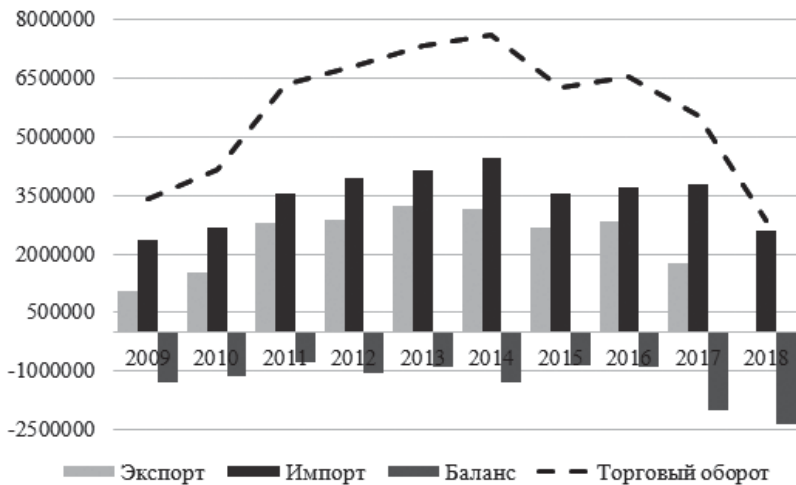

Рис. 3. Внешняя торговля Северной Кореи в 2009–2018 гг. (тыс. долл. США)

Источник: (KOSIS Korean Statistical Information Service, 2020).

Структура импорта в 2017 г. отражала нужды экономики. Первая позиция в данной структуре принадлежала топливу – 10,9%, далее шли электрические машины и оборудование, товары из пластика. Более 16% импорта представляло различное сырье (коды 54, 55, 56, 60, 61, 62) для легкой промышленности. Также импортировались сталь, продукты питания (табл. 5).

Таблица 5. Товарная структура экспорта и импорта КНДР в разрезе по основным товарным группам в 2017 г. (%)

Экспорт 2017 (двузначные коды HS*)	%	Импорт 2017 (двузначные коды HS*)	%
Текстильные товары и аксессуары (62)	28,2	Минеральное топливо (27)	10,9
Минеральное топливо (27)	23,3	Электрические машины и оборудование (85)	9,0
Руда (26)	10,6	Ядерные реакторы, бойлеры (84)	7,2
Рыба и морепродукты (03)	9,3	Пластик и изделия из него (39)	6,2
Фрукты и орехи (08)	4,5	Искусственные волокна (54)	5,8
Сталь (72)	4,2	Автомобили и запчасти к ним (87)	5,4
Одежда и аксессуары (вязаные) (61)	3,7	Растительные и животные жиры (15)	3,3
Соли, сульфиты, камень, цемент (25)	2,5	Одежда и аксессуары (вязаные) (61)	3,2
Электрические машины и оборудование (85)	2,3	Рыба и морепродукты (03)	2,8
Ядерные реакторы, бойлеры (84)	0,9	Вязаные ткани (60)	2,7
Масличные культуры, зерновые (12)	0,8	Сталь (72)	2,3
Изделия из древесины, древесный уголь (44)	0,8	Искусственные ткани (55)	2,1
Овощи (07)	0,8	Фрукты и орехи (08)	1,8
Пластик и изделия из него (39)	0,6	Керамические изделия (69)	1,8
Автомобили и запчасти к ним (87)	0,6	Бумага (48)	1,7
Изделия из перьев, искусственные цветы, парики (67)	0,5	Изделия из стали (73)	1,7
Оптическое, фотографическое, измерительное оборудование (90)	0,5	Синтетические ткани, веревки и пр. (56)	1,6
Неорганические химикаты, редкоземельные металлы (29)	0,5	Мебель (94)	1,6
Органические химикаты (28)	0,4	Каучук и изделия из него (40)	1,6
Синтетические ткани, веревки и пр. (56)	0,4	Текстильные товары и аксессуары (62)	1,2
Прочие	4,6	Прочие	26,2

* представлены двузначные коды согласно международному классификатору HS.

Источник: (Korea International Trade Association, 2019).

Запрет на закупки у КНДР угля и руд привел к потере как минимум 34 ежегодных поступлений и дальнейшему обострению проблемы дефицита торгового баланса. В 2017–2018 гг. он продолжал нарастать, увеличившись с 890 млн долл. США в 2016 г. до 2 млрд в 2017 г. и 2,3 млрд долл. США в 2018 г., т.е. в 2,5 раза по сравнению с 2016 г. — до введения санкций ООН.

Внешнеэкономические потери Северной Кореи окажутся еще больше, если принять во внимание, что она лишилась возможности отправлять трудовых мигрантов для участия в проектах за рубежом. До введения санкций Северная Корея активно использовала трудовые ресурсы в международной торговле услугами. По подсчетам Госдепа США, таким образом страна могла получать свыше 500 млн долл. США в год (*Shin, 2019*). На пике за рубежом трудилось 125 тыс. северокорейских рабочих (*McCarthy, 2019*). Основной сферой их деятельности было строительство. География таких проектов была довольно обширна, особенно если принять во внимание малый размер национальной экономики, и включала такие страны, как Польша, Россия, Китай, Катар, Кувейт, ОАЭ, Нигерия, Малайзия — всего до 40 государств (*Snyder, 2015; Craw, 2018; Goodman, Choe, Berendt, 2017*). Также традиционной сферой оказания услуг были технические консультации и обслуживание еще советского оборудования, обучение полицейских сил — преимущественно в странах Азии.

Однако, согласно резолюции ООН 2397 (п. 8), все страны, которые принимали северокорейских рабочих, должны были выслать их до конца 2019 г. Как следствие данных действий, дохода лишились не только сами репатриированные, но и члены их семей. По информации дипломатов, аккредитованных в Пхеньяне, каждый северокорейский работник, занятый за границей, в среднем поддерживает от 3 до 10 родственников дома (Посол России в КНДР..., 2019). Их принудительная высылка зимой — в сезон вынужденного «поста» в КНДР — является, по мнению некоторых гуманитарных НПО, «разворачивающейся человеческой трагедией» (*The Human Costs...*, 2019).

Таким образом, совокупный негативный эффект санкций, включая ограничения на осуществление экспортных операций и запрет на использование труда северокорейских рабочих, мог составить 4,6–8,2 млрд долл. США, что равно примерно 20–25% оценочного значения ВВП.

В то же время, несмотря на жесткие санкции, КНДР продолжает осуществлять запрещенные экспортно-импортные операции и получать выручку на внешнем рынке. Хотя официальный экспорт КНДР сократился практически на 90, используются обходные пути — такие, как перевалка грузов с судна на судно в открытом

море, а также прямые нелегальные поставки. По некоторым расчетам, только за первые четыре месяца 2019 г. КНДР экспортировала в общей сложности 930 000 т угля посредством по меньшей мере 127 поставок. Оценочная стоимость этого угля, исчисленная исходя из цены 100 долл. США за тонну, составляет приблизительно 93 млн долл. США (Толорая, 2019).

В отчете за 2018 г. комиссия экспертов ООН по Северной Корее также указывает факты вывоза минералов и руды, запрещенного резолюцией ООН 2270 (UN, 2018). Возможности для этого обеспечиваются соответствующей финансово-логистической инфраструктурой, выстраивавшейся на протяжении длительного времени.

Северной Кореей были сформированы и постоянно обновляются собственные механизмы обеспечения поставок и оплаты теневого характера, завуалированные многочисленными компаниями и подставными лицами. Зарубежные представители банков КНДР продолжают играть активную роль в брокерских сетях для организации перевалки грузов с судна на судно и совершения других, связанных с этим механизмов, с использованием посредников из третьих стран и иных методов уклонения от финансовых санкций. Для финансово-логистических операций активно используются как азиатские, так и европейские страны (Byrne, 2019). Были выявлены факты, что в морскую торговлю КНДР вовлечены суда под флагами Сингапура, Того, Сьерра-Леоне и, возможно, Южной Кореи (ibid.; Cohen, 2019).

Продолжающаяся внешнеторговая деятельность КНДР демонстрирует, что секторальные санкции не столь эффективны, как изначально ожидалось. Так, в докладах Комиссии экспертов ООН зафиксированы многочисленные случаи импорта КНДР нефти и нефтепродуктов и других подсанкционных товаров в значительных объемах. Весьма вероятно, что таким же путем Северная Корея продолжает закупать некоторые компоненты и технологии для ракетно-ядерной программы и предметы роскоши.

Для восполнения утраченной части доходов от традиционной внешнеэкономической деятельности Северная Корея ищет новые источники поступлений. На сегодняшний день подтвержденными видами операций, в которых она была замечена, являются

производство наркотических препаратов и торговля ими и киберпреступность. В 2017 г. появились указания на то, что было возобновлено производство метамфетамина, который сбывается в Китай и страны Юго-Восточной Азии (Ryall, 2017).

Использование КНДР информационных технологий стало главной новацией последних лет. По данным американских спецслужб, северокорейский Департамент военно-промышленного комплекса использует подконтрольные ему торговые структуры приема для размещения за рубежом специалистов в сфере информационных технологий. К ним относятся программисты и разработчики программного обеспечения, многие из которых работают в Европе, Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Как и в случаях с традиционными торговыми операциями, в качестве номинального главы компании из сферы услуг выступает местный гражданин, однако фактическое управление осуществляется северокорейскими специалистами (Interview with Stephanie Kleine-Ahlbrandt..., 2019).

Западные эксперты связывают представителей КНДР с незаконной деятельностью по хищению активов, махинациями с криптовалютой. В частности, КНДР приписывают кибератаки с использованием компьютеров и инфраструктуры банковских служащих для отправки мошеннических сообщений и уничтожения улики, получения доступа к средствам финансовых учреждений и бирж криптовалют. Имеются также подозрения в организации атак через сеть СВИФТ (ООН, 2019).

Некоторые эксперты полагают, что доходы КНДР, получаемые в результате подобных мошеннических операций и кибератак, заметно выросли после введения санкций. Совершение таких атак приносит высокую отдачу и зачастую требует минимальных ресурсов – по сути, необходимы только ноутбук и доступ к сети Интернет (ibid.).

Можно резюмировать, что запрет на легальный бизнес толкнул северокорейцев в нелегальный и сферы, плохо поддающиеся регулированию. При этом формируются нелегальные цепочки поставок и сетевые структуры в мировом масштабе. Более того, процесс глобализации международной сферы услуг предоставляет КНДР возможности для расширения поля активности, создавая новые источники дохода.

ЭФФЕКТИВНЫ ЛИ САНКЦИИ?

Что делает санкции эффективными? Как можно добиться эффективности? Эти вопросы занимают центральное место в дискуссиях о необходимости санкций. Например, случай Ирана демонстрирует, что администрация Трампа ввела действительно эффективные санкции, так как они вызвали очевидные и существенные последствия в экономике. Они стоили режиму определенных ресурсов и, вне сомнения, наложили ограничения, которые привели к сделке, маловероятной в их отсутствие. Но при этом санкции не привели к тем результатам, которые американская администрация рассматривала как желаемые, — смене курса: в основных направлениях внешней политики Ирана ничего не изменилось, и мы видим даже «откат» обратно. Схожая ситуация наблюдается в случае с КНДР.

Представляется, что элементы, которые выбираются в качестве мер эффективности, влияют на аргументы в пользу или против санкций. В частности, очень важным является вопрос: эффективность определяется только лишь экономическими мерами или также и политическими результатами? Экономическая эффективность санкций подразумевает серьезные негативные последствия для отраслей национального хозяйства. Если же речь идет о политике, то было бы логично судить об успехе санкций по политическим результатам, к которым они приводят или не приводят. Несмотря на то, что негативный эффект санкций на экономику КНДР очевиден, северокорейский режим не идет на сделку с Западом и продолжает наращивать свою ядерную программу. Как резюмировал

ведущий программы Brookings Institute «Dollar & Sense», северокорейский режим в порядке и продолжает себя финансировать (Dollar, Keatinge, 2020). Поэтому эффективность санкций с точки зрения политических результатов может показаться минимальной.

Вопрос можно и, наверное, нужно разбить на несколько составных частей. С нашей точки зрения, их три, а именно: 1) почему упорно проводится санкционная политика в отношении КНДР; 2) почему северокорейский режим не идет на уступки, несмотря на ужесточающиеся ограничения; 3) как КНДР удается находить возможности для самофинансирования, которое на Западе характеризуется как фандрайзинг, даже при наличии жестких международных предписаний по ограничению любых финансовых сделок, имеющих прямое или косвенное отношение к стране. Рассмотрим каждую из указанных частей.

Санкции прочно вошли в инструментарий Запада, и пока нет предпосылок для их отмены. При этом Запад воспринимает санкции как средство политического воздействия несколько гипертрофированно. В определенных кругах США распространенной является точка зрения, что именно ущерб от санкций «заставил» Ким Чен Ына пойти на переговоры с США, оставляя в стороне тот факт, что они служат внутривнутриполитическим целям северокорейского лидера.

Также за пределами дискуссии остается то, что встречи Дональда Трампа и Ким Чен Ына не принесли ощутимых результатов в плане реалистичных договоренностей. После неудачного корейско-американского саммита в Ханое прогресс в дипломатической сфере после февраля 2019 г. практически затормозился, что дало КНДР повод в конце года устами лидера страны заявить о «бессмысленности» соблюдения моратория на испытания ядерных зарядов и МБР, хотя пока эти угрозы не реализованы. В то же время в докладе Панели экспертов СБ ООН за 2019 г. обращено внимание на то, что Пхеньян провел не менее 25 испытательных пусков, включая новые типы баллистических ракет малой дальности и запускаемых с подводных лодок (КНДР в 2019 г. ..., 2020). Таким образом, несмотря на ужесточение ограничений, КНДР не только не прекратила ракетно-ядерную программу, но и активизировала ее.

В целом механизм действия санкций направлен на то, чтобы максимально повысить экономические издержки осуществ-

вления ядерной программы (*Solingen, 2012; Miller, 2014*) и, тем самым, создать зону возможного соглашения (ЗВС), а далее – свести ситуацию к политическому давлению. Если наложение экономических трудностей не создает маневра для политического давления, то ЗВС не возникает. Как раз этот сценарий имеет место в КНДР: санкции не позволили свести ситуацию к политическому давлению на северокорейский режим. Малая эффективность санкций в отношении КНДР отмечалась экспертами на протяжении более 10 лет (*Ruediger, 2006*).

Представляется, что здесь уместна аналогия с Ираном, который, находясь в аналогичной ситуации, пошел на сделку с ЕС и США. В отличие от Ирана КНДР более стабильна политически. На сегодняшний день Северная Корея является единственным авторитарным государством, в котором власть перешла к третьему поколению правящей семьи. Контакты между политическими кругами КНДР и представителями Запада ограничены, соответственно, очень сложно наладить отношения диалога. Кроме того, политическая система КНДР в большей степени приспособлена к тому, чтобы справляться с экономическими трудностям. Более того, способность КНДР отыскивать «вакуумы» в международных системах надзора и пользоваться ими поставила Запад в позицию «догоняющего». Как отметил Т. Китинж, на сегодняшний день международному сообществу приходится постфактум заполнять пробелы, которыми уже воспользовался северокорейский режим (*Dollar, Keatinge, 2020*).

Экономическое давление на КНДР имеет ограниченный эффект также в силу того, что она длительное время не была включена в наблюдаемые международные торговые и финансовые процессы, и, соответственно, ограничения на торговлю не воспринимаются руководством страны как достаточное условие для уступок. Элиты в КНДР отдают себе отчет в том, что устранение санкций не принесет стране моментальных и существенных экономических выгод, что заставляет требовать более масштабных уступок со стороны прежде всего США. Более того, ситуация с Ираном и односторонний выход США из сделки с ним еще больше закрепляет их в этой мысли.

Наконец, усложнение санкционного режима, требующее большей бдительности, пространность формулировок приводят к тому, что Северная Корея находит возможности осуществлять

определенные операции, необходимые для финансирования режима и его военных программ. Именно этот аспект имеется в виду, когда возникает дискуссия о неэффективности международных ограничений.

Для исполнения действующего пакета санкционных мер ООН требуется координация действий на разных уровнях — правительственном и частном. Несмотря на наличие общего понимания недопустимости распространения ядерного оружия и оружия массового уничтожения (ОМУ), международное сообщество может расходиться в подходах, как должны исполняться введенные меры и какого эффекта следует ожидать. Среди правительств развивающихся стран и прежде всего африканских государств, с которыми КНДР удалось выстроить отношения, нет единства мнений, почему следует ограничивать контакты с данным партнером. Кроме того, исполнение предписаний санкционного комитета сопряжено с немалыми расходами.

На сегодняшний день главной целью США является пресечение поставок энергоресурсов, которые рассматриваются главным звеном в выживании режима. Все операции, которые прямо или косвенно связаны с обеспечением данных поставок, приравниваются к таковым, финансирующим военную программу и, значит, должны останавливаться (*Dall, Keatinge, 2019*). Это расширяет спектр потенциальных процессов, за которыми нужно вести наблюдение. Расходы, связанные с ведением подобного контроля, являются существенными для крупных банков и страховщиков, не говоря уже о слаборазвитых африканских странах.

Естественно, что при оценке эффективности этого механизма именно нарушения санкционного режима находятся в центре внимания ООН и западных стран. По их мнению, если бы режим строго соблюдался, эффект был бы значительно выше (*Did Sanctions...*, 2018). Поэтому параллельно с поддержанием санкций проводится работа по снижению их неэффективности, иными словами — устранению существующих пробелов.

Официальным каналом поиска «лазеек», используемых КНДР, является Панель (группа) экспертов ООН (UN n.d.) при комитете 1718 совбеза ООН, которые в своих докладах, выходящих каждые шесть месяцев, детализируют механизмы нелегальных опе-

раций. Дополнительно США и Великобритания используют факторы так называемой мягкой силы, проводя консультативную работу по повышению уровня знаний специалистов о действующих санкционных ограничениях. Например, связанный с официальными структурами Великобритании Объединенный королевский институт по исследованию вопросов безопасности и обороны проводит выездные семинары в Африке, разъясняя риски сотрудничества с КНДР. Также проводятся консультации сотрудников финансовых организаций в главных логистических и финансовых хабах мира — Лондоне, Сингапуре. Дополнительно Институт осуществляет проекты Альфа и SANDSTONE (RUSI, 2020), направленные на раскрытие незаконных торговых и шиппинговых операций КНДР.

При всех попытках повысить эффективность санкций как механизма давления во внимание не принимаются гуманитарные последствия для населения, условия жизни которого постоянно ухудшаются и которое имеет меньше прав, чем беженцы или участники военных конфликтов. Сожаление вызывает именно тот факт, что объектом санкций в итоге становятся слабые и незащищенные. Например, в докладе Панели экспертов ООН говорится: «Нет никаких сомнений в том, что санкции ООН оказали непреднамеренное воздействие на гуманитарную ситуацию и операции по оказанию помощи, хотя доступ к данным и доказательствам ограничен» (China, Russia..., 2019). В июне 2019 г. Т. Кинтана, специальный докладчик ООН по правам человека в Северной Корее, заявил, что «на мой взгляд, режим санкций, по сути, ставит под удар само существование населения Северной Кореи» (UN official..., 2019).

В 2020 г. он же подчеркивал: «Международное сообщество больше не должно упускать из виду то, как воздействие санкций на энергию влияет на сельскохозяйственное производство, нанося ущерб транспорту, использованию техники и производству удобрений. Надо учитывать и то, что некоторые секторальные запреты на экспорт приводят к безработице в текстильной, горнодобывающей и рыбной промышленности. Отсутствие доходов у пострадавших лиц подрывает реализацию права на продовольственную безопасность, питание и другие права».

«В контексте, когда COVID–19 приносит серьезные экономические трудности во всем мире, любые санкции, введенные

Советом Безопасности ООН, которые влияют на жизнедеятельность людей и препятствуют способности правительства реагировать на COVID–19, должны быть с искренностью пересмотрены»,

«Международное сообщество, в частности, некоторые постоянные члены Совета Безопасности, больше не должны допускать парадокс — сначала вводить запрет на получение ресурсов, необходимых для увеличения производства продовольствия, а затем предлагать продовольственную помощь. Полученные от отмены санкций выгоды следует направлять на нужды наиболее уязвимых, в том числе путем обеспечения прав на продовольственную безопасность и сохранение здоровья» (Media Statement..., 2020).

Вопрос о разрешенном или допустимом влиянии санкций на положение населения на сегодняшний день в международном законодательстве никак не обсуждается. Поэтому действующий режим санкций в отношении КНДР практически никак не регулируется международным правом. Для оценки их влияния, допустимого масштаба английская исследовательница Х. Смит (*Smith, 2020*) предлагает применять наработки теории справедливой войны.

Модели справедливой войны предполагают, что санкции всегда наносят ущерб невиновным. При этом Ж. Гутман конкретизирует, что ответная реакция на «неправильные действия» подсанкционного государства, включая бездействие, может потенциально нанести ущерб невиновным (*Gutmann et al., 2018*). Тогда возникает вопрос о допустимом уровне ущерба. Для поиска ответа можно обратиться к общепринятому этическому пониманию критериев эффективности, необходимости и пропорциональности. При этом необходимость в данном случае не разрешает нанесение непропорционального ущерба невиновным (*Fabre, 2018*).

Принцип эффективности подразумевает, что «возложение защитных или сдерживающих издержек на других оправдано только в том случае, если существует достаточная вероятность успеха устранения угрозы, против которой были введены санкции» (*ibid.* P. 70). Иными словами, введение санкций должно сопровождаться оценкой вероятности достижения цели посредством конкретных мер. Если вероятность мала, тогда санкции не могут быть этически оправданы. Принцип необходимости предполагает, что экономические санкции и трудности, которые они приносят, могут быть эти-

чески оправданы только тогда, когда отсутствуют альтернативные инструменты, которые могут минимизировать или предотвратить ущерб невиновным. Наконец пропорциональность требует того, чтобы введение санкций в отношении невиновных не могло быть непропорционально большим по отношению к их действиям. В противном случае непропорциональность санкций будет означать игнорирование интересов тех людей, которых они затрагивают (*Pattison 2015. P. 204*).

Принимая во внимание, что санкции ведут к ухудшению положения значительной части населения страны, создают сложности для проведения гуманитарных операций, в том числе организациями ООН, их очень сложно оправдать с моральной и этической точки зрения. По мнению Х. Смит (*Smith, 2020*), которое мы разделяем, реальные последствия санкций для населения идут вразрез с понятием справедливости (*ibid.*), а также с концепцией эффективности, применяемой в рамках подхода справедливой войны.

Фактически санкции укрепляют политический режим в КНДР, способствуют внутривластной стабильности за счет оправдания мер «закручивания гаек» и, по сути, укрепляют власть элиты и поддерживающего ее «нового среднего класса». Санкции создали условия для возникновения хорошо известного в литературе парадокса, когда члены политической элиты, которым статус и приближенность к власти дают возможность контролировать новый (рыночный) сектор экономики, фактически получали выгоду от санкций (что, согласно научным исследованиям, неоднократно наблюдалось в истории санкций) (*Wood, Reed, 2008*).

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИЙ

Влияние санкций на положение гражданского населения

Рассмотрим более подробно воздействие санкций на положение населения и общую гуманитарную обстановку в КНДР. По оценкам экспертов, ситуация продолжает ухудшаться: «Как двусторонние, так и экономические санкции ООН остаются в силе и становятся все более строгими. Отсутствие доступа к чистой воде, услугам санитарии и гигиены и острая нехватка в системе здравоохранения основных предметов медицинского назначения будут и впредь лежать в основе многих проблем здравоохранения и питания»⁵ (UN, 2019).

Особенно сильно от санкций страдают наиболее уязвимые группы населения, прежде всего, женщины, дети и старики. Санкции усложняют возможность оказывать поддержку инвалидам, особенно из-за ограничений на импорт металлических предметов (North Koreans..., 2019). Возникающее экономическое давление, как правило, усугубляет масштабы бытового, сексуального насилия, а также торговли людьми и проституции (The Human Costs..., 2019). Реальность Северной Кореи такова, что на женщин ложится двойная нагрузка: необходимость как отчитываться по официальному месту работы, так и добывать пропитание для семьи за счет торговли на рынке.

-
5. Около 39% населения не имеют доступа к безопасным источникам питьевой воды и 16% — к основным санитарно-техническим средствам. Ситуация хуже в сельской местности, где почти половина всех детей все еще подвергается рискам болезней и недоедания.

Санкции привели к осложнению социальной обстановки из-за роста имущественного неравенства и увеличения территориального и профессионального дисбаланса. Доходы и доступность товаров и услуг для депрессивных регионов и низших классов уменьшаются из-за стагнации традиционных производственных отраслей экономики, в которых они заняты. Между тем непроизводственная сфера деятельности, сконцентрированная в городах и контролируемая элитами, становится более прибыльной. Богатые становятся богаче, бедные – беднее. Это происходит на фоне распада государственной системы распределения, которая в прошлом обеспечивала неравномерный, но более или менее предопределенный уровень потребления.

Хотя в резолюциях СБ ООН отмечается, что «на КНДР лежит главная ответственность за обеспечение в полном объеме потребностей людей в средствах к существованию» (UN Security Council, 2017), в реальности чрезвычайно трудно реализовать рекомендуемое адептами такого подхода перераспределение ресурсов из оборонного сектора на нужды населения, даже если бы руководство страны и приняло такое решение. Это объясняется спецификой управления бюджетом в КНДР. Расходы на военные цели, особенно программы ОМУ, поступают преимущественно в виде «ассигнований в натуральной форме» – таких как практически бесплатная рабочая сила, компенсация труда специалистов оружейной отрасли в неденежных формах (квартиры, льготы), производство военной технической продукции на предприятиях, поддерживаемых государством не в форме целевого финансирования, а в натуральной – путем направления конкретных товаров без учета их коммерческой ценности и т.д. Такие ресурсы трудно переключить, скажем, на инвестиции в сельское хозяйство (которое так или иначе и без того поддерживается бесплатным трудом городских жителей), импорт продуктов питания и товаров народного потребления.

В результате санкций под вопросом оказалась и продовольственная безопасность населения. Снижение экспортной выручки и закрытие каналов международных расчетов негативно повлияли на возможности импортировать продукты питания. Местное сельское хозяйство испытывает сложности из-за нехватки удобрений. Заметим, что негативные процессы в секторе оказывают дополни-

тельное давление на рынок труда, поскольку в сельском хозяйстве занято около трети рабочей силы и оно производит около 28 ВВП страны.

Безусловно нельзя отрицать, что производство продуктов питания в стране никогда не было достаточным, и не санкции явились причиной этого. Основная – это снижение урожайности. По оценкам ФАО, в 2018 г. урожай продовольственных культур снизился на 12% против предыдущего года, в 2019 г. – еще на 4%, несмотря на заявления руководства о «рекордном урожае». По данным ВПО, только 7% опрошенного населения имели в апреле 2019 г. приемлемое потребление пищи, что на 13% меньше, чем в ноябре 2018 г. (FAO/GIEWS, 2017). Это сказывается в первую очередь на состоянии здоровья детей: усредненные показатели задержки роста у детей в возрасте до 5 лет составили 19% в 2017 г. (ibid.).

Следствием санкций стало дальнейшее падение уровня механизации сельского хозяйства. Из-за импортного запрета снизилась поставка топлива. По данным ФАО, квота составляет всего лишь 31 кг дизельного топлива на гектар. По мере старения техники она выходит из строя из-за отсутствия запасных частей и расходных материалов. Нехватка топлива, электричества и насосного оборудования ограничивает возможности орошения, снижая урожайность и подвергая зерновые культуры экстремальным погодным условиям, таким как засуха и жара, обычным в последние годы, особенно в 2019 г., а также приводит к потере значительной части урожая (FAO/WFP, 2019).

Санкции привели к сбоям в сфере здравоохранения и ограничили возможности для оказания медицинской помощи. Опубликованный в октябре 2019 г. Глобальный индекс безопасности здоровья отводит КНДР 193-е место из 195 по степени готовности к эпидемии или пандемии (DPR Korea..., 2017). Полное закрытие границ, как показал опыт борьбы с коронавирусом, по сути – единственный метод, позволяющий взять ситуацию под контроль в условиях полной деградации системы здравоохранения. В стране также один из самых высоких показателей заболеваемости туберкулезом (513 случаев на 100 000 чел.), что приводит приблизительно к 20 000 смертей от него ежегодно. Невозможность импорта необходимого медицинского оборудования, запчастей, расходных

материалов особенно опасна, когда 9 млн чел. имеют ограниченный доступ к основным медицинским услугам (Needs and Priorities, 2018). Но даже те, кто имеет таковой, получают меньшую помощь, чем до введения секторальных санкций, не хватает даже элементарных медицинских инструментов — ланцетов, стетоскопов, приборов для измерения давления и т.п. (UNICEF, 2018). Нехватка топлива также препятствует доставке пациентов в больницы. Все это повышает риск заражения и смерти пациентов. Несомненно, эти факторы привели к «избыточной» смертности⁶, особенно в депрессивных регионах и среди пациентов, не имеющих доступа к привилегированному лечению (ibid.).

Однако парадокс заключается в том, что северокорейская сторона не может заявлять о своих нуждах через механизм международной помощи, поскольку последний не допускает самостоятельной подачи заявок об исключениях из санкций от правительства КНДР.

Влияние санкций на оказание гуманитарной помощи

Зарубежная гуманитарная помощь остается жизненно важной для миллионов людей в КНДР, прежде всего из низших классов и депрессивных регионов. В 2019 г. гуманитарные организации оказали помощь 2,5 млн чел., включая 1,5 млн детей в возрасте до пяти лет, почти 115 тыс. беременных и кормящих женщин и девочек, получающих жизненно необходимую поддержку в части питания. Благодаря деятельности гуманитарных организаций лечение получили 300 тыс. пациентов с диареей, а почти 200 тыс. чел. — доступ к безопасной питьевой воде. В 2020 г. в КНДР около 10,4 млн чел. будут нуждаться в гуманитарной помощи (North Koreans..., 2019).

---

6. В своем недавнем докладе НПО «Korea Peace Now» утверждает, что «вероятны непредотвратимые летальные исходы в результате санкций, так как они (санкции) являются причиной задержек поставок и нехватки финансовых средств, необходимых для выполнения гуманитарных программ помощи, в частности тех, которые касаются компенсации острой недостаточности питания, дефицита витамина А, обеспечения надлежащего уровня гигиенических и санитарных условий, предоставления наборов для охраны репродуктивного здоровья (Korea Peace Now, 2019).

Но, по мнению УКГВ ООН, «ограничения для учреждений ООН и гуманитарных партнеров по предоставлению помощи, вероятно, сохранятся как из-за жестких санкций ООН, так и двусторонних санкций (например, санкции Токио и Сеула), которые непреднамеренно повлияли на гуманитарные операции. Дополнительные ограничения накладывает продолжающееся недофинансирование» (The Global Humanitarian Overview, 2020).

Наблюдатели отмечают, что в первую очередь «пагубное воздействие санкций» стало причиной прекращения деятельности в КНДР некоторых давних операторов и их связей, которые данные организации годами строили с Пхеньяном. Дело как в усложненной процедуре подачи заявок на разрешение, которое предполагает во многих случаях согласие США на это, так и в снижении числа доноров и блокировке финансовых транзакций, что приводит к разрушению партнерских отношений» (Letter from the UN Country..., 2018).

Отказ от финансирования остается ключевым препятствием для гуманитарных операций в КНДР. В 2019г. подготовленный ООН «План потребностей и приоритетов» был профинансирован лишь на 26,9, что эквивалентно 32,4 млн долл. США. В пересчете на каждого реципиента это составляет всего 8,42 долл. США. Принимая во внимание существенные потребности в питании, здравоохранении и санитарии, этого недостаточно.

Многие благотворительные организации и институты предпочитают не рисковать и воздерживаются от сделок, связанных с юрисдикциями высокого риска, такими как КНДР, в том числе из-за угрозы вторичных санкций США. Некоторые учреждения, особенно финансовые, страховые, транспортные и др., не делают различий между санкциями ООН и односторонними. В результате многие постоянные доноры и поставщики, а также компании, занимающиеся финансовыми операциями и логистикой, отказываются, несмотря на наличие разрешения Комитета СБ ООН, вести дела с КНДР.

Ограничения, связанные с препятствиями в странах транзита и блокированием банковских каналов, особенно губительны. При этом решений по снятию ограничений не ожидается (UN, 2019). Это продолжает препятствовать осуществлению запланированных гуманитарных операций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе был осуществлен анализ влияния международных санкций на социальное-экономическое положение в КНДР. Закрытость страны существенно ограничивает возможности получения достоверной информации, необходимой для оценки реальных масштабов ущерба для жизни населения и экономики. Тем не менее даже имеющиеся отрывочные сведения свидетельствуют о неоднозначности ответа на вопрос об эффективности санкций ООН. Более того, им сложно найти оправдание с морально-этической точки зрения.

Имеющаяся информация позволяет говорить о наличии контрпродуктивного эффекта санкций. Введенные ограничения в итоге действуют против цели, для которой они создавались, — денуклеаризации Корейского полуострова. Санкции в основе своей непропорциональны, так как их мишенью становятся «невинные» группы населения, тогда как элита продолжает существовать и укреплять свои основы.

Политика «максимального давления» американской администрации при президенте Д. Трампе направлена прежде всего на то, чтобы ограничить деятельность, приносящую доходы элитам и административному аппарату власти. С этой точки зрения можно наблюдать опеределенный эффект: в результате запрета на 90 экспортно-импортных операций КНДР лишилась возможности финансировать дефицит торгового баланса. Также в силу введенных финансовых ограничений широкого характера ей стало сложнее

проводить операции, обеспечивавшие денежные поступления. Это наносит долгосрочный ущерб экономике КНДР.

В то же время, как было указано, не учитывается тот факт, что санкции одновременно превращаются в элемент нарушения прав человека. Данная ситуация парадоксальна, так как в арсенале американской администрации также предусмотрены санкции за нарушения другими государствами прав человека, в частности обвинения в этом часто можно услышать в адрес Китая или России. При этом упускается из виду, что в данном случае население КНДР находится в ситуации непрекращающегося гуманитарного бедствия.

На основе проведенного нами исследования можно сделать несколько общих выводов о характере санкций, тенденциях их развития на ближайшую перспективу и об ограничительных факторах, с ними связанных.

На протяжении последних лет наблюдалось расширение сферы применения санкций. Как показал пример КНДР, объектом ограничений становятся не только экспортно-импортные операции, но и финансовые сделки, которые их обслуживают. При этом ограничения получают широкую трактовку, вовлекая большое количество сфер и игроков. Например, формулировка «предотвращение поставок нефтепродуктов в КНДР» фактически трактуется как остановка всех операций, которые могут иметь к ним отношение: шиппинговых, брокерских, трейдерских, погрузочно-разгрузочных работ и т.п., так как они являются звеньями единой цепочки поставок. Широкая формулировка ограничений оставляет значительное пространство для трактовки, а значит – и маневра, архитекторам санкций.

Санкции, особенно финансовые, становятся фактором глобальной конкуренции, конфронтации и подчас – финансовой войны, как выразился Ж. Зарате, который консультировал Белый дом по вопросам финансирования терроризма, оружия массового уничтожения и финансовых преступлений и во многом положил начало практике атаки на личные активы представителей режимов, против которых вводятся санкции (Zarate, 2020). Однако более широкое применение санкций ставит под вопрос их эффективность. Вводимые все новые и более широкие ограничения не вносят принципиальных изменений в действия КНДР. Два года, прошедшие с момента принятия пакета международных санкций ООН,

не повлияли на поведение северокорейского режима, который не только не прекратил свою ядерную программу, но и расширил ее. Также значительно активизировалась незаконная деятельность КНДР. Таким образом, еще раз обратим внимание на контрпродуктивность санкций.

Как инструмент воздействия на другие страны санкции эффективны с точки зрения умножения структурных проблем в экономиках, для которых уже были характерны определенные дисфункции на момент введения ограничений (Economic sanctions..., 2020). КНДР испытывала структурные проблемы до введения санкций в силу особенностей управления национальным хозяйством на протяжении десятилетий. Разнообразные внутренние факторы препятствовали наращиванию внутренних инвестиций и расширению ассортимента выпускаемой продукции для внешних рынков еще до введения жестких санкций. Их снятие не приведет к автоматическому устранению этих проблем, серьезные внутренние по-прежнему будут иметь место.

Восприятие эффекта санкций только с точки зрения того, меняют ли они режим, представляется упрощенным, так как не принимаются во внимание эффекты второго и третьего порядка, к которым можно отнести прогрессирующую криминализацию деятельности Пхеньяна, также представляющую немалую угрозу международному сообществу. Данное обстоятельство открывает масштабную дискуссию относительно ограниченных возможностей санкций как механизма давления.

Как уже отмечалось, в результате того что, санкции охватывают все новые сферы, частный сектор становится их прямым участником, и зачастую успех выполнения введенных ограничений зависит от того, насколько буквально вовлеченные организации выполняют предписания. Нередко возникают ситуации, связанные с тем, что частному сектору сложно разобраться во всех тонкостях, и он предпочитает оставаться в стороне от операций. Таким образом подрывается способность системы функционировать: она не направляет действия игроков в одно нужное русло, а останавливает процессы.

Косвенно такое положение вещей указывает на слабую стратегию применения санкций для достижения результата. По

сути, санкции в отношении КНДР сводят ситуации к бинарному ответу: либо подрыв режима, либо все остальное. Последнее при таком сценарии ситуации не рассматривается как удовлетворительный результат. Одновременно данный сценарий закрывает пути и к конструктивной дипломатии. Изначально санкции были инструментом общих дипломатических усилий для поиска решений проблем, но в последние годы они все чаще используются в отрыве от дипломатического диалога. Как показывает пример КНДР, систематическая, целеориентированная дипломатия практически отсутствует. Как следствие – сужается кольцо возможностей для поиска решения проблемы ядерной программы Пхеньяна. В данном случае закономерно усомниться в том, насколько санкции обеспечивают преимущество в долгосрочной перспективе, несмотря на определенный краткосрочный эффект, который повышает финансовые, экономические, административные издержки для КНДР.

Из исследования становится понятно, что разрастание нелегальной деятельности КНДР будет иметь долгосрочные последствия. Маловероятно, что она прекратится с ослаблением политики «максимального давления». Более того, эта деятельность принимает новые формы за счет использования информационных технологий. То есть глобальные изменения в мировой экономике, связанные с цифровизацией и анализом больших данных, открывают возможности обходить санкции. В качестве примера можно привести использование КНДР онлайн-пространства для получения доступа к новым источникам финансирования. Но при этом санкционные меры вынуждены адаптироваться к постоянно обновляемым способам обхода ограничений. В связи с этим можно ожидать, что развитие финтех в ближайшие годы будет происходить с учетом сбора и анализа данных об операциях, которые противоречат санкциям. Скорее всего появится новая отрасль регтех, направленная на совершенствование регулирования за счет использования больших данных, которая также позволит установить более жесткий контроль за соблюдением санкций на разных уровнях.

В заключение отметим, что санкции в отношении КНДР и те эффекты, которые они порождают, указывают на то, что первые останутся одним из наиболее применяемых инструментов в международной политике в силу их восприятия как элемента экономи-

ческой конкуренции; они будут усложняться в результате слияния с информационными технологиями, полагаться на алгоритмы анализа больших данных. Санкции преимущественно будут реализовываться в финансовой и смежных отраслях, так как, по замыслу их создателей, ограничения в этих сферах способны затронуть личные интересы представителей правящих кругов и элит и повышают вероятность того, что они пойдут на политическую сделку. При этом текущие тенденции указывают на то, что механизм снятия санкций в целом не предусмотрен. Пока ситуация развивается по сценарию «санкции ради санкций».

ЛИТЕРАТУРА

1. Санкции против КНДР (2020). ru.m.wikipedia.org/wiki/Санкции_против_КНДР (дата обращения: 18 июня 2020).
2. КНДР в 2019 г. не прекратила ракетно-ядерную программу (2020) // РИА Новости. 10.02. ria.ru/20200210/1564523346.html?fbclid=IwAR1tpIROU9pJNZtCzAYqSd05bc9TNPFFncCdirpYzOXhx9Ng0Uftd9-4cITU (дата обращения: 9 июня 2020).
3. ООН (2019). Доклад Группы экспертов, учрежденной резолюцией 1874 (2009) от 30.08.2019. undocs.org/ru/S/2019/691 (дата обращения: 14 мая 2020).
4. Посол России в КНДР надеется на решение вопроса с рабочими (2019) // ПРАЙМ. 14.12. prime.ru/News/20191214/830688796.html?fbclid=IwAR2PUx1EcG9RZekkMXtYREbmPrTjmOrUG903kmbmCl45U05LZhl3qGgN7_A (дата обращения: 14 мая 2020).
5. Пустой лозунг: Почему конверсия военных технологий обречена на провал (2019) // Forbes. 29.01. www.forbes.ru/obshchestvo/371613-pustoy-lozung-pochemu-konversiya-voennyh-tehnologiy-obrechena-na-proval (дата обращения: 12 мая 2020).
6. Толорая Г.Д. (2019). Ситуация на Корейском полуострове: к вопросу о влиянии санкционных режимов. Неопубликованный доклад на конференции в Шанхае 18–19 сентября 2019 г.
7. Bank of Korea (2020). www.bok.or.kr (дата обращения: 10 февраля 2020).
8. Byrne L. (2019). How North Korea's sanctions evasion at sea has evolved over time // NK News. 10.04. www.nknews.org/2019/04/how-north-koreas-sanctions-evasion-at-sea-has-evolved-over-time/?utm_source=divr.it&utm_medium=twitter (дата обращения: 4 июня 2020).
9. Cato: Sanctions Impediment to North Korean Peace, Aid (2019) // The American Spectator. 15.06. spectator.org/cato-sanctions-impediment-to-north-korean-peace-aid (дата обращения: 15 мая 2020).
10. China, Russia propose lifting some U.N. sanctions on North Korea, U.S. says not the time (2019) // Reuters. 16.12. www.reuters.com/article/us-northkorea-usa-un/china-russia-propose-lifting-of-some-u-n-sanctions-on-north-korea-idUSKBN1YK20W (дата обращения: 12 июня 2020).
11. Choi K.S. (2011). The Mining Industry of North Korea / Korean Journal of Defense Analysis. No. 23. Pp. 211–230.
12. Cohen A. (2019). North Korea Illegally Trades Oil, Coal, With China's Help // Forbes. 21.03. www.forbes.com/sites/arielcohen/2019/03/21/

- north-korea-illegally-trades-oil-coal-with-chinas-help/amp/ (дата обращения: 3 мая 2020).
13. *Craw V.* (2018). Workers in foreign countries generate billions for North Korean state, human rights groups claim / AMP News. 19.04. amp.news.com.au/finance/work/leaders/workers-in-foreign-countries-generate-billions-for-north-korean-state-human-rights-groups-claim/news-story/528301948367ce3199сса2755a2fcbe4 (дата обращения: 24 апреля 2020).
  14. *Dall E., Keatinge T.* (2019). Securing the Supply Chain: Implementing North Korea Sanctions Beyond Banking // RUSI Newsbrief, 24.05. rusi.org/publication/rusi-newsbrief/securing-supply-chain-implementing-north-korea-sanctions-beyond-banking (дата обращения: 26 мая 2020).
  15. Did Sanctions Bring Kim Jong Un to the Negotiating Table? (2018) // ASU Now. 30.04. asunow.asu.edu/20180430-global-engagement-are-tough-sanctions-working-north-korea (дата обращения: 12 марта 2020).
  16. *Dollar D., Keatinge T.* (2020). How will the UK use financial sanctions in a post-Brexit world / Brookings Podcast “Dollar & Sense”. 18.02.2020. www.brookings.edu/podcast-episode/how-will-the-uk-use-financial-sanctions-in-a-post-brexit-world (дата обращения: 12 июня 2020).
  17. DPR Korea Multiple Indicator Cluster Survey (MICS) Findings Report (2017). www.unicef.org/press-releases/better-indicators-children-dpr-korea-challenges-persist-new-data-situation-children (дата обращения: 21 мая 2020).
  18. *Eberstadt S.* (2006). The North Korean Economy: Between Crisis and Catastrophe. London: Routledge.
  19. Economic sanctions: Assessing their use and implications for U.S. foreign policy (2020) // Brookings Institute, 27.01. www.brookings.edu/events/economic-sanctions-assessing-their-use-and-implications-for-u-s-foreign-policy (дата обращения: 12 июня 2020).
  20. *Fabre C.* (2018). Economic statecraft: Human rights, sanctions and conditionality. Cambridge: Harvard University Press.
  21. FAO/GIEWS Special Alert No. 340: The Democratic People’s Republic of Korea (2017) // ОCHA. 20.07. reliefweb.int/report/democratic-peoples-republic-korea/faogiews-special-alert-no-340-democratic-peoples-republic (дата обращения: 15 апреля 2020).
  22. FAO/WFP Joint Rapid Food Security Assessment (2019). Democratic People’s Republic of Korea. Bangkok. Pp. 14–15. www.fao.org/3/ca4447en/ca4447en.pdf (дата обращения: 11 мая 2020).
  23. *Fifield A.* (2015). North Korea digging ever deeper to keep its economy afloat // The Guardian. 09.03. www.theguardian.com/world/2015/

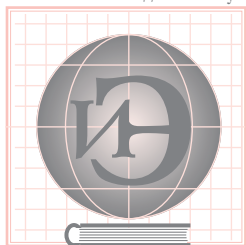
- mar/09/north-korea-economy-commodity-exports-china (дата обращения: 9 апреля 2020).
24. *Goodkind D., West L.* (2001). The North Korean Famine and its Demographic Impact // *Population and Development Review*. Vol. 27. No. 2. Pp. 219–38. www.jstor.org/stable/2695207 (дата обращения: 26 мая 2020).
  25. *Goodman P.S., Choe S.H., Berendt J.* (2017). Even in Poland, Workers' Wages Flow to North Korea // *NY Times*. 31.12. www.nytimes.com/2017/12/31/world/europe/north-korea-poland-workers.html (дата обращения: 28 мая 2020).
  26. *Gordon J.* (1999). A Peaceful, Silent, Deadly Remedy: The Ethics of Economic Sanctions // *Ethics and International Affairs*. Vol. 13. Issue 1. Pp. 123–142.
  27. *Gutmann J., Neumeier M., Steinbach A.* (2018). Economic sanctions and human rights: Quantifying the legal proportionality principle / *Research Papers in Economics*. No. 2/18. P. 2. Universität Trier, Fachbereich IV – Volkswirtschaftslehre, Trier. www.econstor.eu/bitstream/10419/179260/1/2018-02.pdf (дата обращения: 9 апреля 2020).
  28. *Haggard S.* (2018). How North Korea can strike it rich *Foreign Policy* – *Foreign Policy*. 10.06. foreignpolicy.com/2018/06/10/how-north-korea-can-strike-it-rich (дата обращения: 8 апреля 2020).
  29. *Haggard S., Melton A.* (2013). *What Does Kaesong Export? Where Does It Go?* Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 24.04. www.piie.com/blogs/north-korea-witness-transformation/what-does-kaesong-export-where-does-it-go (дата обращения: 17 мая 2020).
  30. Humanitarian Response Plan (2020). Democratic People's Republic of Korea. www.fao.org/emergencies/appeals/detail/en/c/1260437 (дата обращения: 9 апреля 2020).
  31. Interview with Stephanie Kleine-Ahlbrandt on the UN Panel of Experts Latest Report to the Security Council (2019) / 38 NORTH, 05.09. www.38north.org/2019/09/skleineahlbrandt090519 (дата обращения: 3 мая 2020).
  32. *Kibl Y.W., Kim H.N.* (2005). *North Korea: The Politics of Regime Survival: The Politics of Regime Survival*. London: Routledge.
  33. *Kim I., Lee J.* (2019). Sanctions for nuclear inhibition: Comparing sanctions conditions between Iran and North Korea // *Asian Perspective*, Seoul. Vol. 43. No 1. Pp. 95–122.
  34. Korea International Trade Association. (2019). (Inter-Korean trade). www.stat.kita.net (дата обращения: 30 мая 2020).

35. KOSIS Korean Statistical Information Service. (2020). kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGA32&conn_path=I3 (дата обращения: 12 мая 2020).
36. *Krugman P.* (1991). *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press.
37. *Lee P.* (2013). South Korea's Uphill Battle against the Principle of Territoriality // *North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation*. Vol. 39. No. 1. scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1998&context=ncilj (дата обращения: 12 мая 2020).
38. Letter from the UN Country team to the Panel of Experts on the Impact of Sanctions on Humanitarian Operations in DPRK (2018) // Relief WEB. 14.12. reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/1912_Making-Sanctions-Smarter.pdf p. 23 (дата обращения: 30 мая 2020).
39. Letter to UN Security Council Regarding Sanctions on North Korea (2019) // *Korea Peace Now*. 11.12. koreapeacenow.org/letter-to-un-security-council-regarding-sanctions-on-north-korea/ (дата обращения: 12 марта 2020).
40. *McCarthy N.* (2019). The Countries Hosting North Korean Migrant Workers [Infographic] // *Forbes*. 04.07. www.forbes.com/sites/niallmccarthy/2019/07/04/the-countries-hosting-north-korean-migrant-workers-infographic/#566c3b616c60 (дата обращения: 4 июня 2020).
41. Media Statement by the UN Special Rapporteur on the situation of human rights in the Democratic People's Republic of Korea (2020). UN Human Rights. 9 июн. www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25929&LangID=E (дата обращения 22.07.2020).
42. *Miller Nicholas L.* (2014). The Secret Success of Nonproliferation Sanctions // *International Organization*. Vol. 68. No. 4 (Fall). Pp. 913–944.
43. MIT (2019). The Observatory of Economic Complexity. Massachusetts Institute of Technology. atlas.media.mit.edu/en/profile/country/prk/ (дата обращения: 8 июня 2020).
44. Needs and Priorities (2018). DPR KOREA. reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/DPRK2ONP2020182011041820FINAL.pdf (дата обращения: 1 июня 2020).
45. North Korean Leader Stresses Need for Strong Military (2012) // *The New York Times*. 15.04. www.nytimes.com/2012/04/16/world/asia/kim-jong-un-north-korean-leader-talks-of-military-superiority-in-first-public-speech.html (дата обращения: 8 июня 2020).

46. North Koreans with Disabilities Threatened by International Sanctions, Aid Groups Say (2019) // VOA NEWS. 14.12. www.voanews.com/east-asia-pacific/north-koreans-disabilities-threatened-international-sanctions-aid-groups-say (дата обращения: 6 июня 2020).
47. *Pattison J.* (2015). The morality of sanctions // *Social Philosophy and Policy*. Vol. 32. Issue 1. Pp. 192–215.
48. *Ruediger F.* (2006). The Political Economy of Sanctions Against North Korea // *Asian Perspective*. Vol. 30/3. Pp. 5–36.
49. RUSI. (2020). Project Sandstone. rusi.org/project/project-sandstone (дата обращения: 2 июня 2020).
50. *Ryall J.* (2017). North Korea ramps up manufacture of illegal drugs amid sanctions // *Deutsche Welle*. 21.08. www.dw.com/en/north-korea-ramps-up-manufacture-of-illegal-drugs-amid-sanctions/a-40169753 (дата обращения: 17 мая 2020).
51. *Shin W.* (2019). Sanctions on North Korean migrant workers undermined by interns // *Nikkei Asian Review*. 15.11. asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/Sanctions-on-North-Korean-migrant-workers-undermined-by-interns (дата обращения: 24 апреля 2020).
52. *Smith H.* (2020). The ethics of United Nations sanctions on North Korea: Effectiveness, necessity and proportionality // *Critical Asian Studies*. Vol. 52. Issue 2. Pp. 182–203.
53. *Snyder S.* (2015). North Korea's Latest Export: Labor // *Forbes*. 22.05. www.forbes.com/sites/scottasnyder/2015/05/22/north-koreas-latest-export-labor/amp/ (дата обращения: 26 мая 2020).
54. *Solingen E.* (2012). *Sanctions, Statecraft, and Nuclear Proliferation*. Cambridge: Cambridge University Press.
55. The Global Humanitarian Overview (2020). United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (ОСНА). www.unocha.org/sites/unocha/files/GHO-2020_v9.1.pdf (дата обращения: 27 мая 2020).
56. The Human Costs and Gendered Impact of Sanctions on North Korea (2019). Korea Peace Now. koreapeacenow.org/wp-content/uploads/2019/10/human-costs-and-gendered-impact-of-sanctions-on-north-korea.pdf (дата обращения: 15 июня 2020).
57. The World Bank (2020). Arable land in Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea data. The World Bank. data.worldbank.org/indicator/AG.LND.ARBL.ZS?locations=KR-KP (дата обращения: 12 марта 2020).
58. UN (n.d.) 1718 Sanctions Committee (DPRK) www.un.org/securitycouncil/sanctions/1718 (дата обращения: 12 мая 2020).

59. UN official: Sanctions are harming ordinary North Koreans, should be eased (2019) // UPI. 21.06. www.upi.com/Top_News/World-News/2019/06/21/UN-official-Sanctions-are-harming-ordinary-North-Koreans-should-be-eased/3651561107977/ (дата обращения: 12 мая 2020).
60. UN RC DPRK (2020) Provisional 2020 DPR Korea Needs and Priorities Overview. reliefweb.int/report/democratic-peoples-republic-korea/provisional-2020-dpr-korea-needs-and-priorities-overview (дата обращения: 8 июня 2020).
61. UN Security Council (2009). Report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874. www.undocs.org/S/2019/171 (дата обращения: 11 июня 2020).
62. UN Security Council. (2017). Resolution 2397. www.undocs.org/S/RES/2397%20 (дата обращения: 10 February 2020).
63. UN (2018). Report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874(2009) p5S/2018/171. Geneva. www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2018_171.pdf (дата обращения: 03 марта 2020).
64. UN (2019). UN Panel of Experts DPRK 2019 Midterm Report. 30.08. www.ncnk.org/resources/publications/un_poe_august2019.pdf/file_view (дата обращения: 29 мая 2020).
65. UNICEF (2018). Better indicators for children in DPR Korea but challenges persist, new data on the situation of children and women shows // Press release. 20.06. www.unicef.org/press-releases/better-indicators-children-dpr-korea-challenges-persist-new-data-situation-children (дата обращения: 12 июня 2020).
66. Why Kim Jong Un wants relief from 'maximum pressure' sanctions (2019) // The Washington Post. 28.02. www.washingtonpost.com/world/2019/02/28/why-kim-jong-un-wants-relief-maximum-pressure-sanctions/ (дата обращения: 12 июня 2020).
67. Wood R.M. (2008). A Hand upon the Throat of the Nation: Economic Sanctions and State Repression, 1976–2001 // *International Studies Quarterly*. Vol. 52. Pp. 489–513. academic.oup.com/isq/article-abstract/52/3/489/1871290?redirectedFrom=fulltext (дата обращения: 23 мая 2020).
68. Zarate J. (2020). The Financial Tools of Statecraft / Podcast Financial Crime Matters. 17.04. poddtoppen.se/podcast/1456666158/financial-crime-matters/the-financial-tools-of-statecraft (дата обращения: 18 июня 2020).

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Г.Д. Толорая, И.А. Коргун, В.О. Горбачева

Санкции в отношении КНДР:
анализ последствий и уроки

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Ерзнкян М.Д.*

Компьютерная верстка – *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 27.08.2020 г.

Заказ № 19. Тираж 300. Объем 2,3 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0668-9

9 785994 006689